

© 2017 г.

А.С. МЕДЯКОВ

«НА ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОМ ЧЕЛОВЕКЕ». БИСМАРК НА НЕМЕЦКОЙ ПОЧТОВОЙ ОТКРЫТКЕ РУБЕЖА XIX–XX веков

Подписывая 6 июня 1870 г. в качестве канцлера Северогерманского союза распоряжение о введении нового вида почтового сообщения – «корреспондентской карточки» (открытки), Отто фон Бисмарк едва ли мог предположить, что именно ему предстояло стать одним из самых популярных персонажей, изображенных на ней. С рубежа XIX–XX вв. и вплоть до окончания Первой мировой войны по Германии циркулировали миллионы открыток со всевозможными «бисмарковскими» сюжетами, попадая чуть ли не в каждый немецкий дом. Массовость этого социокультурного феномена превратила открытку в важный источник изучения общественного мнения и настроений вильгельмовской Германии, позволяя задаться вопросами о содержательной стороне распространявшихся ею визуальных образов Бисмарка, изобразительных средствах, о месте и функциях подобных открыток как в общественно-политической, так и в повседневной жизни. Наконец, важнейшая характерная черта почтовой открытки как источника – сочетание в ней качеств носителя изображений и средства коммуникации, что открывает возможность изучения реакции людей на предлагавшиеся им визуальные образы.

Со времени отставки Бисмарка с поста канцлера Германской империи в 1890 г. его популярность лишь набирала обороты, превратившись к началу нового века в настоящий культ¹. Наиболее общей причиной этого была потребность в единой идентификационной фигуре, которая для обитателей объединенных в 1871 г. в Германскую империю государств могла бы воплотить в себе их новое отечество. Бисмарк как создатель империи подходил на эту роль лучше всего, однако Бисмарк не реальный, а символический. Его политика на посту канцлера была слишком авторитарной, конфликтной и к тому же чересчур конкретной, осязаемой для роли общенемецкой интегрирующей фигуры. Необходимая для этого мера абстракции появилась, когда «железный канцлер» ушел в отставку, оказавшись будто бы вне всяческих интересов и партий. К тому же на рубеже веков менялась политическая ситуация: политику Бисмарка сменил так называемый «новый курс» Л. Каприви, вовне Германия переходила к «мировой политике». В этих условиях фигура

Медяков Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. (Москва, Россия).

¹См. *Parr R.* “Zwei Seelen wohnen, ach! in meiner Brust”. Strukturen und Funktionen der Mythisierung Bismarcks (1860–1918). München, 1992; *Machtan L.* Bismarck-Kult und deutscher National-Mythos 1890 bis 1940. – Bismarck und der deutsche National-Mythos. Hrsg. L. Machtan. Bremen, 1994; *Kocka J.* Bismarcks zweites Leben. Sichtweisen seit 1890. – Staat, Nation, Demokratie. Traditionen moderner Gesellschaften. Festschrift für Hans-Jürgen Puhle. Hrsg. M. Grässner, Ch. Lammert, S. Schreyer. Göttingen, 2001.

Бисмарк приобретала новую политическую и символическую релевантность. В зависимости от трактовок с ее помощью можно было критиковать текущий политический курс либо легитимировать его, требовать продолжения «национального дела» Бисмарка и т.д.

Следует отметить, что Бисмарк еще при жизни начал превращаться в двойной символ — созданной им империи и, шире, немецкой нации как таковой. В последнем особенно активны были разного рода правые и националистические организации и социальные группы, настойчиво пытавшиеся инструментализировать фигуру Бисмарка в своих политических целях и внесшие, возможно, решающий вклад в становление его культа в целом. Однако их деятельность — предмет отдельного рассмотрения. В рамках же данной статьи речь пойдет о становлении и распространении мифа и культа Бисмарка посредством совершенно нового средства информации и коммуникации — почтовой открытки.

Как раз в 1890-е годы открытки превратились в настоящую национальную страсть немцев. Именно Германия занимала безоговорочно лидирующие позиции как в производстве, так и в потреблении открыток. Согласно официальной статистике Всемирного почтового союза за 1901 г., германской почтой внутри страны был доставлен 1 млрд открыток, в то время как в Англии открыток доставили в два раза меньше, а во Франции — лишь 60 млн². До войны в их производстве были заняты почти 3 тыс. германских предприятий, причем около половины их продукции шло на экспорт³. Разумеется, издатели открыток не могли оставить без внимания все более явно выстраивавшуюся общественную востребованность образа Бисмарка, откликаясь на него открытками самых разных жанров⁴.

«ПРИВЕТ ИЗ ФРИДРИХСРУ»

После вынужденной отставки Бисмарк удалился в имение Фридрихсру в лесном массиве Захсенвальд под Гамбургом, откуда вел публицистическую борьбу со своим преемником и писал политическое завещание — знаменитые «Мысли и воспоминания». Очень скоро Фридрихсру превратилось в место настоящего паломничества для почитателей «старца из Захсенвальда» со всей Германии и из-за ее пределов. Открытки с надписью «Привет из Фридрихсру» и изображением поместья или самого Бисмарка становились свидетельством соприкосновения с живой легендой. Тексты отправленных оттуда открыток отражали безусловно осознанный выбор «сюжета с Бисмарком». Их авторы констатировали факт своего пребывания в Фридрихсру, предлагали сохранить памятную открытку для коллекции, сообщали о своем главном успехе: «Только что видел князя Бисмарка», иногда даже с указанием с точностью до минуты времени, когда произошло столь знаменательное событие. Таким образом, открытка из Фридрихсру являлась чем-то существенно большим, чем просто показателем обывательского интереса к бывшему канцлеру. В последние годы жизни Бисмарк превращался в культовую национальную фигуру, в объект чуть ли не религиозного поклонения. Если поездку во Фридрихсру трактовали как «второе, гражданское крещение»⁵ во имя нации, то открытка была свидетельством состоявшегося таинства.

² Allgemeine Poststatistik für 1901. — Archiv für Post und Telegraphie. Beiheft zum Amtsblatt des Reichs-Postamts, 1903, № 15, S. 457–458.

³ Brocks Ch. Die bunte Welt des Krieges. Bildpostkarten aus dem Ersten Weltkrieg 1914–1918. Essen, 2008, S. 44–45.

⁴ Источниковой базой для разработки темы «Бисмарк в открытке» послужили открытки, опубликованные в иллюстрированных изданиях: May O. Bismarck und sein Mythos auf Postkarten. Hildesheim, 2014 (свыше 500 шт.); Breitenborn K. Bismarck. Kult und Kitsch um den Reichsgründer. Frankfurt — Leipzig, 1990 (около 100 шт.); открытки из коллекции университета Оснабрюка. — <http://www.bildpostkarten.uni-osnabrueck.de/index.php?cat=93> (80 шт.), а также из частных коллекций (свыше 1000 шт.).

⁵ См. Hedinger H.-W. Der Bismarck-Kult. — Der Religionswandel unserer Zeit im Spiegel der Reli-

Во многом поворотным пунктом в становлении культа Бисмарка явилось празднование его 80-летия 1 апреля 1895 г. Бывшего канцлера буквально завалили подарками и поздравлениями со всей Германии. Отставка сделала возможным то, что было немислимо в период его пребывания у власти, — прямое обращение к нему обычных немцев. Главным способом такого обращения стало «письмо простого человека» — открытка. В качестве легкого и доступного способа поздравления она впервые была задействована в подобных масштабах, опередив традиционное письмо: в период с 31 марта по 2 апреля во Фридрихсру доставили 50 тыс. писем, открыток же — от 110 до 120 тыс.⁶ В общей сложности Бисмарк получил на свой юбилей около полумиллиона писем и открыток⁷. Значительным оказался поток открыток и в обратном направлении, непосредственно с юбилея. Очевидец писал: «У нанятых для продажи открыток почтовых кондукторов многими тысячами расхватывались открытки, которые немедленно писались и отсылались; никто не хотел упустить возможность сообщить о празднестве уже из Фридрихсру»⁸.

К юбилею издатели выпустили специальные почтовые карточки с уже напечатанными поздравительными текстами, изображениями и адресом — «*Князю Бисмарку во Фридрихсру*». Отправителю оставалось лишь вписать свое имя и адрес.

Как следует из надписи на одной из таких серий открыток, их отправителем выступала «вся Германия», а Бисмарк предстал на них как общенациональная идентификационная фигура. Обстоятельства выпуска подобных почтовых карточек показательны с точки зрения многообразия их происхождения, целей и социальных функций. Дело в том, что множество открыток издавалось в Германии добровольными общественными организациями — ферейнами, по количеству и разнообразию которых Германия не знала себе равных. Открытки использовались как средство коммуникации между членами ферейна, выпускались по случаю различных мероприятий, способствовали привлечению новых членов; доход от их продажи шел на финансирование деятельности ферейна. В данном случае инициатором выпуска открытки к юбилею Бисмарка выступила «Имперская школа милостыни» («*Reichsfechtschule*») — общегерманский ферейн, занимавшийся сбором пожертвований в пользу сирот. Нарисованная художником Э. Дёплером открытка предлагалась всем желающим по достаточно высокой для того времени цене в 10 пфеннигов⁹. Ферейн, таким образом, использовал популярность Бисмарка и одновременно помогал ее росту, придавая юбилею бывшего канцлера общегерманский характер и связывая его образ с социально весомым и благим делом. Общегерманское значение празднования следовало не только из текста, но и из изображения: воплощающие собой народ Германии мужчина и женщина протягивают Бисмарку лавровый венок.

Другие юбилейные открытки подчеркивали общенациональный характер фигуры Бисмарка более дифференцированно: его чествуют взрослые и дети, мужчины и женщины, представители различных социальных слоев¹⁰. Причина поклонения формулируется в тексте: «*Высокочитимому создателю германского единства*» — и следует из символических образов (короны и флага Германской империи, памятника «Германии» в Нидервальде). Специальные открытки со стандартным поздравлением издал даже один немецкий книготорговец в США и, очевидно, немалым тиражом: только жители безвестного американского городка Вапаконета отправили Бисмарку около 500 таких открыток¹¹.

gionswissenschaft. Hrsg. G. Stephenson. Darmstadt, 1976, S. 208–211.

⁶ Schulthess' europäischer Geschichtskalender. Erster Jahrgang 1895. München, 1896, S. 94.

⁷ Penzler J. Fürst Bismarck nach seiner Entlassung. Leben und Politik des Fürsten seit seinem Scheiden aus dem Amte auf Grund aller authentischen Kundgebungen, Bd. 6. Leipzig, 1898, S. 116.

⁸ Poschinger H. Fürst Bismarck und seine Hamburger Freunde. Hamburg, 1903, S. 99.

⁹ Gartenflora, 1895, 44. Jhg. S. 79; <http://www.bildpostkarten.uni-osnabrueck.de/displayimage.php?album=82&pos=23>

¹⁰ См. May O. Op. cit., S. 123–127.

¹¹ Breitenborn K. Op. cit., S. 121.

Общегерманский характер празднования юбилея Бисмарка способствовал превращению фигуры бывшего канцлера, еще недавно вызывавшей так много споров, в национальный символ. Этот процесс еще более ускорился после его смерти в 1898 г. Важную роль здесь сыграли открытки, как раз с середины 1890-х годов вступившие в «золотой век» невиданного многообразия тем и гигантских тиражей, чему способствовало, в том числе, быстрое развитие туризма¹².

В немецком случае появившееся тогда обыкновение посылать открытки во время путешествий превратилось в настоящую национальную страсть. Как иронизировала в 1903 г. одна английская газета, «путешествующий тевтон, видимо, считает священным долгом распространять их на каждой остановке своего пути, как если бы он был участником бумажной гонки»¹³.

Тема «Бисмарк» была представлена на туристических открытках тройко. Прежде всего продолжилось и даже усилилось начатое еще при его жизни паломничество по «бисмарковским местам». Здесь вне конкуренции оказалось Фридрихсру. На рассмотренных 50 открытках 1898–1913 гг. в целом воспроизводятся одни и те же сюжеты: изображения усадьбы Бисмарка, места его захоронения – мавзолея и саркофага, парка, «любимой скамьи старого канцлера» и т.д. Часто на подобном фоне в медальоне изображался и сам Бисмарк. Не менее половины из этих 50 открыток были отправлены из Фридрихсру на адреса по всей Германии. Нередко тексты посланий свидетельствуют о стремлении с помощью открытки сохранить память о посещении этого места («мне удалось побывать», «на память о Великом из Фридрихсру» и т.д.). Аура «великого человека» оказывалась притягательной даже для иностранцев. Вот как звучит послание, отправленное из Фридрихсру в Брюссель в сентябре 1899 г. туристом из Бельгии: «Мы с одним моим добрым другом находимся в двух шагах от замка великого Бисмарка. Мы гуляем по Захсенвальду, где великий человек часто отдыхал».

Вторым по значимости объектом «бисмарковских путешествий» являлось поместье Шёнхаузен на Эльбе – место рождения Бисмарка, в котором уже с 1891 г. функционировал посвященный ему музей. Открытки запечатлели каждую деталь родового гнезда Бисмарков: дом, комнату, в которой родился будущий канцлер, внутренних и внешний облик церкви, где он был крещен, экспонаты музея и т.п. Такие открытки становились важным элементом в возникновении культа Бисмарка, массово распространяя связанные с ним образы и приглашая к паломничеству все новых и новых неофитов.

Вместе с тем популярность Бисмарка часто использовалась на почтовых открытках и в качестве рекламы того или иного города как туристического объекта. Любого рода связь с бывшим канцлером позволяла заявлять о нем как о «городе Бисмарка». Так, месячного пребывания Бисмарка в так называемом Эрфуртском парламенте весной 1850 г. оказалось достаточно, чтобы открытки с «приветами из Эрфурта» рекламировали этот город, ссылаясь на Бисмарка-парламентария. Яркий пример удивительной смеси из поклонения Бисмарку и желания извлечь из его образа коммерческую выгоду дают «исторические открытки из Бад Киссингена» – городка, куда Бисмарк много лет приезжал «на воды». На одной из них рядом с изображением жилища Бисмарка в Киссингене и сценой покушения на канцлера, происшедшего в 1874 г., помещена таблица с динамикой изменения веса канцлера с 1874 по 1893 г. Обогащая культ Бисмарка новыми деталями, открытка фактически содержала призыв «худеть вместе с Бисмарком» на этом курорте.

¹² Telesko W. Visualisierungsstrategien im Tourismus in der Spätphase der Habsburgermonarchie. Postkarten, Plakate und andere Bildmedien. – Zwischen Exotik und Vertrautem: Zum Tourismus in der Habsburgermonarchie und ihren Nachfolgestaaten. Hrsg. P. Stachel, M. Thomsen. Bielefeld, 2014, S. 31–38.

¹³ Цит. по: Wollaeger M. Modernism, Media and Propaganda: British Narrative from 1900 to 1945. Princeton, 2006, p. 80.

«ВЕЛИЧАЙШЕМУ СЫНУ ГЕРМАНИИ»

На рубеже веков самыми распространенными сюжетами на открытках стали изображения мемориальных монументов Бисмарка. Первые памятники были воздвигнуты еще при его жизни. Ко времени смерти бывшего рейхсканцлера их насчитывалось уже 39¹⁴, а после его кончины появилось несколько сотен памятников, башен, колон, «каменной Бисмарка», бюстов, фонтанов, посвященных ему, география которых охватывала всю Германию, ее колонии в Африке, частично Австрию и даже Москву¹⁵. В результате беспрецедентной кампании по созданию скульптурных образов, увековечивавших память «основателя империи» в мраморе, граните, бронзе и т.д., едва ли не каждый германский город превращался в «город Бисмарка».

Открытки отражали стадии появления памятников – подготовку, строительство, непосредственное открытие, распространяли информацию о нем и, самое главное, давали свою трактовку. Выступая как средство влияния на общественное восприятие памятника, они одновременно являлись и свидетельством такого восприятия.

Подавляющая часть монументов Бисмарка сооружалась не за государственный счет, а была делом гражданской инициативы со стороны ферейнов или даже частных лиц, которые использовали открытки как наглядную информацию о предполагавшемся строительстве памятника, а также как средство для финансирования этого строительства. Показателен пример «национального памятника Бисмарку на Рейне», который планировали возвести в Бингене к 100-летию «железного канцлера» в 1915 г., но этому помешала война. Организованный с целью строительства памятника ферейн выпустил серию из шести «официальных открыток» с эскизами будущего монумента; каждая из них объявлялась «кирпичом национального памятника Бисмарку», широко рекламировалась и продавалась в писчебумажных лавках по всей стране¹⁶.

Известны и «неофициальные» открытки, сборы от которых тоже шли на строительство этого памятника. Продажей открыток часто сопровождалась церемония закладки нового монумента, как, например, это было с «башней Бисмарка» в Веймаре в 1900 г.¹⁷ Наконец, выпускавшиеся специально открытки «на память» с указанием точной даты состоявшегося события запечатлевали открытие памятника. Поразительна скорость, с которой реагировали издатели: нередки открытки с изображением памятника, прошедшие почти непосредственно в день его освящения. Так, одна из них – открытие «национального памятника Бисмарку» 16 июня 1901 г. в Берлине – содержит послание с кратким описанием этого события, датированное тем же днем¹⁸.

Изображения памятников имели разное смысловое наполнение и функции. Многие не несли никакого дополнительного политического содержания, представляя монумент как прежде всего туристическую достопримечательность: Бисмарк фигурирует в сериях этих открыток наряду с другими «видами» того или иного города. Однако уже открытки типа «привет из» с памятником Бисмарку существенно смещали акцент: памятник как достопримечательность становился символом данного города.

Преклонение перед Бисмарком нередко сочеталось со стремлением коммерциализировать его имя и память о нем. Яркий тому пример – открытие немецким ресторатором Отто Энгау по случаю 10-летия со дня смерти бывшего канцлера «сада в честь Бисмарка» (“Bismarck-Ehrengarten”) рядом со своим рестораном под Дрезденом. В этот сад были свезены камни из тех местностей Германии, которые так или иначе были

¹⁴ Alings R. Monument und Nation: Das Bild vom Nationalstaat im Medium Denkmal; zum Verhältnis von Nation und Staat im deutschen Kaiserreich 1871–1918. Berlin – New York, 1996, S. 133.

¹⁵ Ibid., S. 134.

¹⁶ Blätter für Architektur und Kunsthandwerk, Bd. 27 (№ 7), 1914, S. 52.

¹⁷ Ulbricht J.H. “Goethe und Bismarck”. Varianten eines deutschen Deutungsmusters. Carl Alexander von Sachsen-Weimar-Eisenach: Erbe, Mäzen und Politiker. Hrsg. L. Ehrlich, J.H. Ulbricht. Köln – Weimar – Wien, 2004, S. 118.

¹⁸ См. Медяков А. С. Первая мировая война на почтовых открытках. World war I in postcards, т. 1. Киров/Вятка, 2014, с. 35, № 1/0020.

связаны с бывшим канцлером, кроме того, там выставили разного рода мемориальные доски и таблички. Важным средством рекламы заведения Энгау с вновь созданной достопримечательностью служили открытки собственного производства, призывавшие к гастрономически-патриотическому путешествию: один из текстов на оборотной стороне описывал достоинства местной кухни, другой – «сад Бисмарка».

На рубеже веков Германию охватила лихорадка возведения монументов нового типа – «башен Бисмарка». Они строились на возвышенностях в живописной местности, в некотором отдалении от города. Как правило, внутренний интерьер башни напоминал о деяниях Бисмарка, а наверху находилась смотровая площадка, с которой открывался прекрасный вид. Такие башни становились центрами притяжения для поклонников Бисмарка из данной местности, особенно в день его рождения 1 апреля. Вместе с тем появление поблизости подобной башни означало создание понятной и привлекательной цели для загородных прогулок горожан.

Существенным средством привлечения населения к таким местам памяти Бисмарка служили открытки, окрашивавшие загородные прогулки в патриотические тона. Они сообщали о появлении в той или иной местности новой башни, всячески рекламировали ее живописное местоположение, открывающиеся сверху виды. Некоторые открытки представляли собой едва ли не минипутеводители – так, созерцая окрестности с вершины «башни Бисмарка» на Штарнбергском озере близ Мюнхена и имея в руках соответствующую открытку, можно было узнать название каждого находящегося в пределах видимости альпийского пика. Надписи «Привет из» и изредка встречающиеся пояснения на французском языке свидетельствуют о стремлении привлечь туристов из других регионов Германии и даже из-за границы. Такие открытки охотно приобретались, будучи классическим туристическим свидетельством того, что человек действительно там был, причем открытку можно было проштамповать уникальным штемпелем непосредственно в башне.

Изучение текстов личных посланий на открытках с изображением памятников Бисмарку может способствовать решению поднятой в исследованиях проблемы рецепции памятника¹⁹. Конкурсные проекты на создание памятника, материалы задействованных фрейнов и инициативных групп, а также прессы дают возможность узнать о мотивах сооружения памятника, но не о его восприятии публикой. На основе изученных открыток можно сделать вывод о существующей, хотя и не безусловной, зависимости личных текстов от характера изображения на послании. В частности, наделение его дополнительными политическими смыслами в виде цитат, призывов, комбинации с национальной символикой скорее подталкивало отправителя к какому-либо оценочным суждениям, чем просто фотография памятника. Личные же тексты на рассматриваемых открытках, трактующих памятники Бисмарку как туристическую достопримечательность, чаще всего имеют бытовое содержание, реже встречаются комментарии непосредственно к рисунку. Наиболее распространенными были сообщения о благополучном прибытии в соответствующий город, о ближайших планах либо надпись «Шлю тебе привет отсюда».

Если сооружение памятников справедливо признается свидетельством развития культа Бисмарка²⁰, то открытки, как уже отмечалось, являлись важнейшим инструментом его распространения и тиражирования. Часто именно открытка информировала об открытии очередного памятника и позволяла ознакомиться с его внешним видом. Так, например, сам Бисмарк как раз с помощью присланной ему открытки получил возможность увидеть сооруженный в его честь памятник в Лейпциге²¹. То же касалось и обычных немцев, ведь далеко не каждый из них мог увидеть хоть какое-то количество монументов

¹⁹ Rausch H. Kultfigur und Nation: öffentliche Denkmäler in Paris, Berlin und London 1848–1914. München, 2006, S. 71.

²⁰ Gerwarth R. The Bismarck Myth: Weimar Germany and the Legacy of the Iron Chancellor. Oxford, 2005, p. 21.

²¹ Fülcher H. Briefe über Bismarck. – Süddeutschen Monatshefte, 1921, H. 3 (Dezember), S.137.

собственными глазами. Поэтому справедливо утверждение о том, что памятники становились известными благодаря прежде всего их изображениям, в частности, открыточным²². Значителен и сам факт совершаемого открыткой перемещения образа Бисмарка из публичной в частную сферу: и открытка, и изображенный на ней памятник предлагались публично, однако использование предложенных образов носило личный характер²³.

Наиболее существенный момент — издательская трактовка того или иного памятника. Подобно любому другому, изображение на открытке не являлось воспроизведением действительности, «как она есть». Даже в случае фотографии всегда наличествует субъективный момент — это фотограф решает, в каком ракурсе и в какое время суток снять памятник, запечатлеть его окруженным людьми или стоящим в одиночестве. Жанр открытки предлагал еще более широкие возможности для интерпретаций: чтобы достичь желаемого издателем эффекта использовались различные дорисовки, монтаж и, конечно же, надписи, позволявшие, например, одну и ту же фотографию памятника заявить в качестве просто туристического объекта или превратить в целую политическую программу. Подобное касалось, разумеется, не только памятников Бисмарку, но и всей его иконографии на открытках.

КАСКА И САПОГИ

В основе трансформации образа Бисмарка в визуальном дискурсе рубежа веков лежал процесс превращения его из реальной исторической фигуры в национальный символ. Реальные или домысленные индивидуальные черты, позволявшие создать образ Бисмарка-человека или Бисмарка-политика, все больше ограничивались набором обобщенных клише. Это же касалось и открыток. Показательно, что собственно фотографии Бисмарка стремительно уступали место рисункам, портретам, разного рода аллегорическим изображениям, репродукциям памятников. Не менее любопытны и акценты, расставленные их авторами. По большей части Бисмарк предстал как умудренный жизнью «старец из Фридрихсру», отечески вззирающий на зрителя.

Воспроизводимые на открытках портреты Бисмарка работы разных художников обладали еще большими возможностями для создания образа своеобразного «отца» немецкой нации. Особенно это касалось творчества Франца Ленбаха, который на протяжении двух десятилетий 80 раз писал портрет Бисмарка. Именно эти «поэтические реконструкции», как никакие другие, повлияли на коллективные представления о визуальном облике канцлера²⁴. Средством же массового распространения такого образа во многом стали именно открытки²⁵. Ленбах изображал Бисмарка и как политика, и как частное лицо: с «могучим черепом почти монументальной величины» на пике карьеры и «с выцветшими глазами и выражением бессильной рыси» (В. Розанов) уже в отставке. Однако всякий раз путем некоторых преувеличений он создавал «лицо с историей, лицо для истории»²⁶. Не идеализируя черты лица Бисмарка, художник стремился показать необычность, выдающиеся и даже, как уверяла критика того времени, почти сверхчеловеческие качества его натуры. Известный немецкий историк искусства А. Розенберг писал, что из всех художников только Ленбаху удалось передать «демонический элемент в существе Бисмарка»²⁷. Сам художник говорил о своем кумире как о «пирамиде, возвышающейся над всеми людьми», «триумфе человечества, стоящем больше, чем иное царство». Восприятие Бисмарка как «сверхотца»²⁸ немцев, которому способствовали

²² *Alings R.* Op. cit., S. 534.

²³ Ср. *Huss M.-M.* Histoires de famille: cartes postales et culture de guerre. Paris, 2000, p. 16.

²⁴ *Machtan L.* Bismarck-Kult und deutscher National-Mythos 1890 bis 1940, S. 20.

²⁵ *Lach R.* Der maskierte Eros. Liebesbriefwechsel im realistischen Zeitalter. Berlin, 2012, S. 131.

²⁶ *Ibidem.*

²⁷ *Rosenberg A.* Lenbach. Bielefeld — Leipzig, 1905, S. 86.

²⁸ *Machtan L.* Bismarck. Deutsche Erinnerungsorte. Hrsg. E. François, H. Schulze, Bd. II. München, 2009, S. 86.

картины Ленбаха, не было чуждо и самому художнику: «Чем больше его узнаешь, тем сильнее чувствуешь, что он воплощает понятие отца для 45 млн человек»²⁹.

Вытеснение исторического Бисмарка символическим еще заметнее в карикатурах и разного рода аллегорических изображениях. Практически исчезли, например, знаменитые «три волоска» на голове канцлера, ставшие одним из самых известных и креативных приемов в истории мировой карикатуры. В зависимости от задач карикатуриста волоски на голове Бисмарка превращались то в штыки и пушки или даже рога, угрожавшие внутренним и внешним врагам, то в венец, нимб или подобие короны, трансформировались во фразы и вопросительные знаки, складывались в показания барометра, указывающего на состояние международной политической атмосферы³⁰. Изобретенные берлинским сатирическим журналом «Кладерадач», они оказались «великолепным средством невербальной коммуникации»³¹ и на многие десятилетия утвердились в качестве постоянного атрибута образа Бисмарка в сатирических и юмористических журналах всего мира. Однако в Германии с рубежа веков эти пресловутые волоски начали исчезать. Исключение составили открытки «Кладерадача», отметившие юбилей журнала отсылкой к самому известному его «изобретению»³².

Другим таким исключением стала карикатура, автор которой явно не разделял всеобщего пietetа к Бисмарку, появившаяся незадолго до смерти последнего: на открытке некогда всесильный канцлер ныне прикован к собачьей конуре с надписью «Фридрихсру». Роня слезу, он смотрит на две свои главные внутривластные неудачи – «Закон против социалистов» и «Культуркампф», нимало не утешенный теми «дарами», которые предлагает ему стоящая рядом шербатая миска.

В целом же время карикатур подходило к концу – наступало время памятников. Случаи изображения «трех волосков» были теперь чрезвычайно редки. Житейская, отчасти легкомысленная и даже комичная деталь совершенно не вязалась с новыми потребностями немецкого национального сознания, требовавшего иного образа Бисмарка. Растиражированные открытками памятники рубежа веков лучше всего передают тот образ, в котором немцы хотели видеть своего кумира: доминировало военное, милитаристское³³.

Классическим примером стал уже упоминавшийся «национальный памятник» Бисмарку в Берлине работы Р. Бегаса, изображавший канцлера в форме магдебургского кирасирского полка, причисленным к которому он был, а затем являлся его шефом. Памятники подобного рода были воздвигнуты на центральных площадях практически всех мало-мальски значимых городов Германии: Кёльна, Дрездена, Дюссельдорфа, Билифельда, Гамбурга, Гослара, Магдебурга, Мангейма и др. Из этого ряда выпадали лишь немногие монументы, в первую очередь прижизненный памятник Бисмарку в Лейпциге, где он представлен в гражданской одежде. Эта нетипичность обращала на себя внимание, в том числе и самого Бисмарка, заявившего, что он выглядит как-то «по-бюргерски дружелюбным»³⁴.

Однако в большинстве случаев Бисмарк мирным и дружелюбным отнюдь не выглядел. Воинственность подчеркивалась военной униформой и особенно двумя ее

²⁹ *Lenbach F.* Gespräche und Erinnerungen. Stuttgart – Leipzig, 1904, S. 92.

³⁰ Примеры см. *Bismarck-Album des Kladderadatsch*. Berlin, 1890.

³¹ *Koch U. E.* Paris – München – Berlin: Illustrierte humoristisch-satirische Journale im Wandel des Zeitgeistes (1871–2005). – Die Zeitschrift – Medium der Moderne. La Presse magazine – un média de l'époque moderne. Deutschland und Frankreich im Vergleich. Étude comparative France-Allemagne. Hrsg. C. Zimmermann, M. Schmeling. Bielefeld, 2006, S. 161.

³² См. *May O.* Op. cit., S. 9.

³³ *Hardtwig W.* Bürgertum, Staatssymbolik und Staatsbewußtsein im Deutschen Kaiserreich 1871–1914. – *Hardtwig W.* Nationalismus und Bürgerkultur in Nationalismus und Bürgerkultur in Deutschland, 1500–1914. Göttingen, 1994, S. 205.

³⁴ *Fülscher H.* Op. cit., S.137.

деталiami — пикельхаубе (остроконечной каской)³⁵ и высокими кирасирскими сапогами. Этот образ Бисмарка открытки распространяли посредством воспроизведения не только памятников, но и многочисленных иллюстраций. Именно шпиль остроконечной каски «Кладерадач» когда-то заменил на «три волоска» — теперь она вновь вернулась на голову «железного канцлера», придавая ему воинственный вид.

Огромные сапоги также стали широко распространенным атрибутом Бисмарка благодаря слиянию двух иконографических традиций и их символическому значению. Высокие, почти метровые сапоги действительно являлись частью формы кирасирского полка, которую Бисмарк охотно носил и был запечатлен в ней на множестве рисунков и картин, в том числе в центре композиции знаменитой работы А. фон Вернера «Провозглашение Германской империи». Интересно, что карикатурный Бисмарк примерил на себя огромные сапоги еще до того, как его реальный прототип получил право носить их в качестве детали кирасирской униформы. В середине XIX в. карикатуристы заимствовали эти сапоги — непременный атрибут изображений императора французов Наполеона I — для критики его племянника, Наполеона III, стремясь подчеркнуть несоразмерность исторического масштаба двух императоров: сапоги великого дяди были для племянника слишком велики. Затем их унаследовал карикатурный Бисмарк — «прямо из гардероба виновника декабрьского переворота 1852 г.», поскольку из-за конфликтов с ландтагом в первые годы его канцлерства в Пруссии ему тоже приписывали намерение «примерить сапоги 2 декабря»³⁶.

Сапоги закрепились в визуальном образе Бисмарка и благодаря их символическому значению. Метафора сапога несет в себе смысл прочной опоры, уверенного выступления³⁷. Сапогом можно наступать, попирать, а в более отвлеченном смысле — подавлять, действуя насильственно, особенно, если этот сапог военный. На одной из карикатур времен канцлерства жена говорит натягивающему сапоги Бисмарку: «Боже мой, Отто, большие сапоги! Будет война? — Нет, хуже — выступление в прусском ландтаге»³⁸.

Реальный Бисмарк далеко не бесспорно годился на роль интегрирующей фигуры немецкой нации. Он создал единое государство, но вместе с тем являлся зачинщиком «братоубийственной» войны с Австрией 1866 г., раскалывал общество своим бесцеремонным обхождением с парламентом, гонениями на католиков и социал-демократов. Однако деяния Бисмарка как политика открытки визуализировали и предлагали к запоминанию очень избирательно, к примеру, напоминая о событиях франко-германской войны 1870–1871 гг. Бисмарк предстал здесь как доминирующая фигура, в частности, когда диктовал условия мира французским переговорщикам. Особенно часто и в разных вариантах воспроизводилась знаменитая встреча Бисмарка и Наполеона III, победителя и побежденного, на дороге под Седаном в сентябре 1871 г.³⁹

Вне всякой конкуренции было изображение Бисмарка как создателя Германской империи. Весьма часто использовалась метафора «кузнец империи»: Бисмарк выковывает германское единство, иногда представленное в виде короны Германской империи⁴⁰. На одной из открыток, предназначенных для сбора средств на упоминавшийся выше, так и не поставленный «национальный памятник» Бисмарку на

³⁵ О ее историческом и символическом значениях см. *Vogel J. Die Pickelhaube. — Deutsche Erinnerungsorte. Hrsg. E. François, H. Schulze, Bd. II. München, 2009.*

³⁶ *Булгаков Ф. И. Бисмарк в карикатурах. — Исторический вестник XLII, 1890, октябрь, с. 231; Grand-Carteret J. Bismarck en caricature. Paris, 1890, p. 49–52.*

³⁷ *Grimm J., Grimm W. Deutsches Wörterbuch. 16 Bände in 32 Teilbänden. Leipzig, 1854–1961, Bd. 18, S. 2772–2787. — <http://woerterbuchnetz.de/DWB/?lemma=Stiefel>*

³⁸ *Grand-Carteret J. Op. cit., p. 253.*

³⁹ См. *May O. Op. cit., S. 48–51.*

⁴⁰ *Медяков А. С. Указ. соч., с. 34, № I/0010. Та же метафора в тексте открытки № I/0011.*

Рейне, можно увидеть лишь наковальню и корону на ней⁴¹. Но чаще всего «железный канцлер» кует на открытках меч. Речь идет о воспроизведении или парафразировании картины Г. Шмитта «Кузнец германского единства», где Бисмарк передает символической Германии выкованный им меч. Такая трактовка подразумевает уже не столько сам факт и обстоятельства (в войнах) создания Германской империи, сколько то, какой ей надлежит быть — сильной, вооруженной, воинственной.

На смерть канцлера издатели открыток отреагировали мгновенно — едва ли не на следующий день. Различные уже имевшие хождение открытки теперь выходили с допечатанными годами жизни Бисмарка и траурной каймой, «*Выезд князя Бисмарка из Фридрихсру*» превращался в «*Последний выезд*» и т.д. Затем появились идеализированные изображения Бисмарка на смертном одре, выдержанные в духе «прекрасной смерти»⁴². Позже акцент сместился к аллегорическому осмыслению его фигуры.

Типичная открытка рубежа веков представляла собой комбинацию из трех главных элементов — портрета Бисмарка, символической «Германии» (рисунка либо чаще воспроизведения знаменитого памятника в Нидервальде) и замка Фридрихсру. Иными словами, она содержала следующее послание: «Германию создал Бисмарк, местом упокоения которого является Фридрихсру». Это послание часто сопровождалось дополнениями, как визуальными (национальные цвета, листья «немецкого дуба»), так и вербальными — высказываниями о том, в чем заключаются наследие Бисмарка и его заветы⁴³. Канцлер постепенно сливался со своим творением — Германской империей, а на одной из открыток он так и изображался, символизируя основание, на котором покоится здание Германской империи⁴⁴.

Открытки, связанные со смертью Бисмарка — мгновенно появившиеся и содержавшие понятные образы, давали любому человеку, наверное, лучшую возможность выразить собственное отношение к происшедшему событию, поэтому в личных посланиях количество отсылок непосредственно к ее сюжету особенно велико. Тексты таких посланий выражают скорбь («*В нашем городе все опечалены*»), личные оценки Бисмарка («*Как почитатель Бисмарка посылаю тебе эту открытку*») и особенно часто предлагают сохранить ее в качестве свидетельства «*этого памятного дня*».

В целом открытки с Бисмарком стали в Германии рубежа XIX — XX вв. весьма значимым социокультурным феноменом. Они были востребованы постоянно растущей армией почитателей бывшего канцлера, поскольку не только придавали личному обожанию осязаемую вещественность и представляли все новые образы кумира, но и в отличие от иллюстрации в журнале или портрета на письменном столе предполагали действие — собственноручно написать текст и отправить. Так, гамбургский художник Й. Лёвендай, «горячий поклонник Бисмарка... собирал все касавшиеся его открытки, которые он также рассылал своим сыновьям с небольшими стихотворениями собственного сочинения»⁴⁵.

Однако гораздо более важное значение открытки имели в создании мифа Бисмарка. В конечном счете стремительное распространение этого мифа объяснялось дефицитом символов нового государства, которые устраивали бы всех⁴⁶. Почти лишенная реального исторического контекста фигура Бисмарка очень хорошо годилась на роль такого символа, но сначала его нужно было создать и донести до общественного сознания. Превращение Бисмарка в символ шло посредством множества способов и социальных практик: строились памятники, росли горы

⁴¹ <http://www.bildpostkarten.uni-osnabrueck.de/displayimage.php?album=82&pos=0>

⁴² Breitenborn K. Op. cit., S. 141–142.

⁴³ Примеры см. Медяков А. С. Указ. соч., с. 35, № 1/0016 — 1/0019.

⁴⁴ Там же, с. 34, № 1/0013.

⁴⁵ Mitteilungen des Vereins für Hamburgische Geschichte, Bd. X. Hamburg, 1909, S. 143.

⁴⁶ Hardtwig W. Op. cit., S. 213.

«бисмарковской литературы» — от стихов до мемуаров, проводились празднования, дни памяти «железного канцлера» и т.д. Открытки своей образностью вносили самостоятельный вклад, а также служили своеобразным мультипликатором всех этих мероприятий: сообщали о памятниках, воспроизводили стихи, приглашали на праздники.

Возникший на рубеже веков культ Бисмарка в итоге стал способом идентификации немцев с их недавно возникшим отечеством, а открытки — ее простым и доступным средством. При этом открытки выступали как феномен гражданского общества. Их издатели никак не направлялись властями, а реагировали на спрос, продиктованный общественным интересом, часто являвшимся следствием гражданской или даже личной инициативы.

Вместе с тем отношение к Бисмарку как к символической фигуре не было единым, различаясь в отдельных регионах, социальных и идеологических группах. Однако с течением времени все более общей становилась тенденция «национализировать» образ Бисмарка, трактовать его в качестве идеального воплощения «немецкости», «германства», т.е. вкладывать в него политические смыслы более широкие и глубокие, чем просто создание единого государства. Во многом это происходило под влиянием разного рода консервативных и националистических объединений, наполнявших образ Бисмарка радикальными и даже воинственными смыслами.